

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2790-2797. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2790
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The History of Resettlement to Siberia in the late XIXth and early XXth centuries Captured in the Family-Patrimonial Memory

Larissa Yu. Logunova^{a,*}, Ekaterina A. Mazhenina^a, Vladislav A. Rychkov^a

^a Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation

Abstract

Family-patrimonial memory is a type of social memory, its lowest level. The conventional content of social and family-patrimonial memory is the basis of community solidarity. Family-patrimonial memory connects the tearing tissue of time through the mechanism of social inheritance. Descendants inherit the symbolic capital of victories, achievements, historical tragedies in the form of images of memory, which are socially differentiated and create mnemonic clusters contradictory in content. The content of family-patrimonial memory is consonant with the sociocode of community memory. Family-patrimonial memory not only fixes facts, but also evokes a historically conditioned feeling associated with involvement in the events of the past, in the territory with which people are connected by a single historical destiny. The history of Siberia is represented by the facts of "historical truth" recorded in the documents, and the truth of memory resounding in the oral histories of Siberians ("the voices of the silent").

The article shows the experience of working with a hybrid methodological complex, created to study the content of family-patrimonial memory of siberians. To understand the historical event, a mixture of various approaches of the humanities based on the principle of interdisciplinarity was used.

Keywords: family-patrimonial memory, sociocodes of memory, hybrid research complex, politics of memory.

1. Введение

Социальная память является ресурсом человечества, дающим поддержку жизненной энергии общности в кризисные периоды истории, наполняет повседневную жизнь человека опытом предков, неосознаваемыми образами памяти. Она создает, сохраняет, транслирует коллективный опыт, необходимый для выживания потомков. Это чистая политически независимая память народа.

Семейно-родовая память – вид социальной памяти общности, ее низовой уровень. Это основа символической программы межпоколенного наследования, интегрирующая индивидуальную память в структуры глобальной социальной памяти. Семейно-родовая память репрезентативна, представляет историю семьи для социального окружения, она избирательна: люди помнят о событиях, отразившихся на судьбах их родственников, не обращая внимания на то, чем гордятся политики, определяя важность исторических моментов для страны. Семейно-родовая память имеет объем, границы, длительность, глубину. Эти ресурсы и естественные ограничения памяти позволяют общности помнить события, затрагивающие счастливые периоды жизни рода, и забывать нейтральные, травматические ситуации, «неудобных» родственников.

Семейно-родовая память рождает исторически обусловленное чувство, связанное с причастностью к событиям прошлого, исторической судьбе общности. Это чувственная фиксация события. Вместе с фактами потомкам передаются эмоции, сопряженные с пониманием данных

* Corresponding author

E-mail addresses: vinsky888@mail.ru (L.Yu. Logunova), ekka0808@mail.ru (E.A. Mazhenina), Vladislav-rychkov@ya.ru (V.A. Rychkov)

фактов. Истоки патриотизма покоятся не на лозунгах, но на культивировании чувства принадлежности семейной истории к истории государства.

События переселения в Сибирь семейно-родовая память сохранила в преданиях и семейных историях. Сибиряк определяет свою идентичность, в том числе и по длительности семейно-родовой памяти, сохраняющей факты переселения. Достоверность информации, пересказанной потомком в третьем поколении, можно подвергнуть сомнению. Это уже репрезентативная картина о семье, которую хотят представить информанты. Отселектированные события сохраняют облик исторического действия, прожитого людьми, зафиксированного в качестве социального опыта, переданного как символическое наследие потомкам. При сравнении с фактами, сохраняющимися в официальных нарративах, можно увидеть социокультурную и культурно-историческую картину вольного переселения крестьян в Сибирь.

История без картин семейно-родовой памяти, представляющих оппозиционные образы, не воспринимается людьми в качестве неоспоримого факта. Таким образом, актуализируется проблема изучения «голосов молчащих», сохраняющих фактографическую и эмоциональную память об истории заселения Сибири. Теоретические обобщения, связанные с проблемой «исторической правды», выводятся из сравнительного анализа нарративов официального и неофициального характера при изучении устных историй, индивидуальных биографических случаев.

2. Материалы и методы

В основу исследования положен междисциплинарный подход, дополненный культурно-историческим, феноменологическим, событийным, компаративным подходами. Такая методологическая позиция способствует объединению макропроцессов культуры и личностного уровня понимания этих процессов, соединению методического потенциала разных гуманитарных наук. Методы, соответствующие данным подходам (социокультурный анализ, сравнительный анализ, интервью, метод восстановления истории семьи (ВИС), биографический метод, анализ социокода памяти, генеалогический метод), комбинируются в гибридный исследовательский комплекс. Гибридизация определяет состыковку методов разных дисциплин гуманитарного цикла с целью осмысления социальных и исторических фактов в разных плоскостях анализа (социологического, исторического, герменевтического).

С помощью концепта «семейно-родовая память» фиксировались передаваемые по наследству образы и смыслы памяти. Эмпирическим материалом послужили глубинные интервью сибиряков. Истории, факты, связанные с процессами переселения, мирной жизни, раскулачивания, репрессий, жизни в военное время, сохранившиеся в семейно-родовой памяти, иллюстрируют теоретические концепты настоящего исследования. Банк данных историй семьи собран в 2001–2020 гг. Четвертая часть из 836 историй содержит воспоминания о переселении предков в Сибирь (Логунова, 2007). Аргументация теоретических положений построена на иллюстрации фрагментов нарративов из архива исследователей. Смысловую картину событий дополнили исторические документы, мемуары, публицистика.

Основная тактическая методика – глубинное интервью, ВИС. Информантами были наследники памяти очевидцев исторических событий в третьем поколении. При анализе устных историй все интерпретации событий прошлого признаются корректными; ошибки памяти с их смыслами самоценны.

Мы представляем правду памяти, сохраненную в воспоминаниях членов семей, переселившихся в Сибирь из Европы. Реальная историческая картина могла отличаться от того, что сохранила семейно-родовая память людей. Историк фиксирует факты переселения, но не интерпретации переживания людьми данных фактов. Представленный в исторической науке процесс переселения осмысливается как факт политики правительства по решению земельного вопроса. В меньшей степени уделяется внимание мотивам, воле, инициативам, чувствам людей, образовавших общность с особым свойством – «сибирство», написавших своими судьбами дореволюционную историю Сибири.

Инструментом для обоснования понимания события становится смысл. Концепция нарратива (П. Рикёр) определяет нарратора субъектом, артикулирующим событие и конструирующим его смысл. Этот смысл не может быть правильным или ошибочным, он не бывает нейтральным. Любой нарратив имеет субъективную смысловую конструкцию.

3. Обсуждение

Социальная память изучается в гуманитарных науках с начала XX в. Основы концепции коллективной памяти (социальной) заложил М. Хальбвакс. Коллективная память – социальный конструкт, созданный общностью. В интегрирующем ядре социальной памяти находится ценностная основа культуры общности, которая ограничивает «рамки» мнемического восприятия людьми действительности (Хальбвакс, 1925). Следовательно, социальная (коллективная) память отличается от истории, созданной учеными. Исследования коллективной памяти в культурно-историческом контексте оформили в особый стиль представители школы «Анналов» (Блок, 1986; Бродель, 1986).

История сквозь нагромождение дат и событий в их понимании предстала как наука о людях, переживающих данные события. Коллективная память – портрет людей эпохи, она содержит их мировоззрение, понимание ими сути исторических событий, которое они передают младшим поколениям (М. Блок). Школой «Анналов» был обоснован принцип методологического плюрализма – предтечи междисциплинарного подхода, что делало возможным переход от исторических фактов к исторической интерпретации.

Интересны работы зарубежных исследователей, посвященные социальной памяти: М.К. Палат (Палат, 2012), Т. Морис-Сузуки (Morris-Suzuki, 2005), Б.А. Мистал (Misztal, 2010), Т. Батлер (Butler, 1989). Исследуется проблема интерпретации содержания социальной памяти (Рикёр, 1998). Политика памяти концептуально оформлена П. Нора (Le Goff, 1978). К концу XX в. сформировалась «глобальная концепция памяти», осмысляющая все проявления жизни людей, запечатленные в образах памяти.

Для понимания процесса трансляции образов социальной памяти в межпоколенном взаимодействии использовались методы социальной генеалогии. Л.М. Савелов подчеркивал, что социальная генеалогия не поддается строгому определению, она связана с духовной жизнью семей (Савелов, 1909: 21). В 1960–1970-е гг. сформировалось направление комплексных генеалогических исследований, генеалогия оформилась как синтетическая макродисциплина по истории родовой сущности людей (Борисенко, 1993: 61; Медушевская, 1992: 17). Применение методов генеалогии позволяет увидеть в многообразии судеб структурирование законов жизни в мире людей, особенности проявления свойств семейно-родовой памяти. Историческая позиция представлена в работах, описывающих путь переселенцев в Сибирь (Кауфман, 1905; Тернер, 1897), социокультурную специфику края, взаимодействие старожилов и новоселов (Пыпин, 1888), проблемы Сибири XIX в. (Ядринцев, 1882). В результате получилась историческая, социокультурная, эмоционально насыщенная картина вольного переселения в Сибирь в конце XIX – начале XX вв.

4. Результаты

Семейно-родовая память, воплощаясь в неофициальных нарративах, избегает точных дат (*это было до революции..., когда моя бабушка была молодой...*), допускает разночтения в интерпретации исторических событий. Она связана со смысловым ядром социоклада общности, который есть первоначально самопонимания и культуры общности. Он содержит ценностные и событийные смыслы, конвенциальные и сакральные, мифические и имеющие реальные основания о первособытии, первопродке, прародине. Понимание социоклада помогает объяснить специфику ментальности, коллективные решения, поведение людей, особенность переплетений судеб территории, государства и нации.

Население Сибири формировалось миграционными волнами, начиная с конца XVI в. процесс заселения и освоения территории, в основном, шел стихийно, «самотеком». Правительственные переселенческие мероприятия стимулировали эти процессы, но охватывали их лишь частично. Пожилая сибирячка рассказывала, что семья ее матери переехала из Украины в Томскую губернию (современная территория Новосибирской области), объясняя это общим переселенческим движением крестьянства на восток. Она вспоминает, что у семьи было достаточно денег, чтобы на новом месте «поднять свое хозяйство» (информатор В.Г.)¹.

После 1861 г. началась очередная волна вольного переселения крестьян из «коренной России». В архиве хранится воспоминание крестьянина И.Е. Белякова о том, как его односельчане начали переселение в Сибирь по Высочайшему разрешению, которое пришло 7 мая 1895 года. Крестьяне стали массово продавать дома, скот, посевы «за бесценок, а то и даром – на помин души... По улице – пыль, дым... Потянулись обозы, навьюченные нажитым еще дедушкиной спиной добром...». (Письмо крестьянина..., 1899: 1-14).

Крестьяне обращались с «покорнейшим прошением» к «Его Высокопревосходительству Г-ну Министру государственных имуществ», имея волю уехать в Сибирь. *По желанию нашему ... всего 50 душ покорнейше просим Ваше Высокопревосходительство благоволите оказать отеческую милость нам, двадцати трем семействам, крестьян села Царевщины, угнетенным бедностью от недостатка земли, благоволите учинить Ваше распоряжение о перечислении нас в Томскую губернию.* Документ сообщает, что крестьяне просят выделить им земли, чтобы они «могли с нашими семействами существовать безбедно и платить государственные подати и повинности безнедоимочно, ... и затем по крайней бедности нашей благоволите, Ваше Высокопревосходительство, выдать нам из Казны денежное пособие на подъем и проезд» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 53 (1867). Д. 356. Л. 2-3 об.). По наблюдениям Ф. Тернера, переезд в Сибирь обходился крестьянскому семейству от 75 до 115 рублей (Тернер, 1897: 60).

Крестьян вела в Сибирь надежда на «хорошую и сытную жизнь» на новых землях. Это основной рефрен в нарративах о переселении. *«Мой предок Петр Арсеньевич Нораев приехал в село Старо-*

¹ Здесь и далее публикуются фрагменты нарративных интервью, проведенных авторами исследования с 2001–2020 по проблеме семейно-родовой памяти сибиряков.

Гутово Томской губернии из Могилевской губернии (д. Брыли). Там он работал на мельнице и в конюхах у барина. Точная дата переселения неизвестна, где-то в конце XIX века. Они ехали в Сибирь в поисках богатых земель, с надеждой разбогатеть. В начале лета семья моего предка приехала. До наступления холодов успели построить дом, купить корову». Похожие свидетельства о переселении звучат в историях половины информантов. «Мякишев Павел Григорьевич с женой Матреной Васильевной приехали в Сибирь из Вятки. Непогодная почва и неурожай заставили их искать новые свободные земли».

Жители Томской губернии, переселенцы из Полтавщины, своим родственникам и землякам писали о впечатлениях и обустройстве в Сибири. Вот, например, адрес, который сообщает переселенец своим братьям: «Пишите в Томскую губернию Барнаульского округа, Ляпинскую волость, заселок Новоразинский». Мужчина пишет, что «выехал на вольные степи: сена косить можно, сколько желаешь, и пахать для хлеба то же самое, сколько угодно и силы хватит; мы имеем у себя скота: четыре лошади и три коровы дойных, а куплены по десять рублей каждая штука; ... мы хлеба накупили на корню на сорок два рубля и молотили сто пудов пшеницы» ([Переселения из Полтавской губернии, 1900: 394](#)).

Потомки переселенцев сообщали в интервью, что их деды искали свободные земли. Они выделялись из своих общин готовностью идти на риски, менять жизнь. «Сибирство» – это особая социально-духовная характеристика, описывающая тех жителей сурового края, живущих по правилам достоинства, уважения к порядку, «не терпящих стеснений» ([Ровинский, 1875: 82](#)), энергичных и мобильных. Это качество людей особого свойства, получившего название «сибирский характер». Семейно-родовая память сибиряков сохранила факты переселения. Представители старшего поколения с теплом вспоминали свою родину, с уважением – холодное достоинство, с которым их встретила Сибирь. *19 августа 1894 г. в святой праздник Преображения Господня в составе первых 60 переселенцев мой прадед Мефодий Меркулович с женой Анисьей Пантелеевной и двумя сыновьями прибыл на необжитую землю. Поселение, основанное ими, назвали Преображенка» (история семьи Н.). «Прадед приехал из Самары в Сибирь вместе с родственниками. Семейный клан переселенцев состоял из четырех семей. Они поселились в чалдонском поселке. Сначала жили все в одном доме. Стали строить свои дома на окраине села. Право поселиться в новом доме решали жребием. Завели скотину, купили водяную мельницу. Разбогатели» (история семьи И.). Более бедные семьи переселенцев на новом месте были вынуждены наниматься к местным жителям в работники, чтобы прокормить свои семьи: «Когда Григорий Калинович Чаленко и его жена Пелагея Афанасьевна приехали в Сибирь, у них ничего не было. Они ходили на заработки к чалдонам. Вокруг была непроходимая тайга. Григорий Калинович вырубал лес и строил избу-пятистенку. Потом он отдал этот дом сыну Николаю, а себе построил еще один дом. На себе носил бревна. Надорвался».*

Семейные истории с большой глубиной памяти затрагивают жизнь больше четырех поколений старших родственников. Информант подробно сообщает о родственниках в четвертом поколении: «Моя прабабушка Заякина Таисья Николаевна родилась 21 октября 1908 года в крестьянской семье. Ее отец Русаков Николай Андреевич, инвалид войны 1914 г., и мать Валова Александра Дмитриевна были родом из Вятской губернии. После Столыпинской реформы 1909 году они переехали в Сибирь. Они воспитали 8 детей и 25 внуков».

В конце XIX в. на карте Сибири появляются названия деревень, основанных семейными кланами, потомки которых участвовали в наших интервью. Поселениям давались имена правителей, фамилии переселенцев, названия мест проживания, оставленных на Родине: Александровка, Николаевка I, Курск-Смоленка, Мальцево, Каркавино, Залесово. Переселенцы строили добротные дома, обзаводились хозяйством «на широкую ногу», заводили стада, скот считали по «логам», а не по головам, что было характерно для Сибири. Например, зажиточные переселенцы имели по три лога. «Прапрадед Алексей Тарасов приехал в Сибирь во времена Столыпинских реформ. Его семья поселилась в деревне Пестери (современная территория Беловского района Кемеровской области). Не голодали, не бедствовали до советской власти. Имели в хозяйстве коров и лошадей». В рассказах информантов старшего поколения одним штрихом рисовались картины достойной жизни («жили крепко», «бережно относились к земле», «усердно трудились»). В истории семьи Латыгиных рассказывается, как отец и братья построили добротный дом, который простоял сто лет. Согласно переписи 1860 г., на территории современного Кузбасса достойно жили семейными кланами переселенцы-чалдоны: Захаровы, Кузнецовы, Логуновы, Крапивины, Тороповы, Хмелевы, Мусохрановы ([Кимеев, 1997: 16](#)).

Мемуаристика помогала дополнять нарративы мнениями современников. Так, в воспоминаниях сибирской интеллигенции описывается противоречивый характер сибиряков: одни находили в них много сочувственных свойств и неиспорченности, по которым ставили сибиряков выше простого народа в самой России; другие, напротив, приходили к самым неблагоприятным заключениям ([Пыпин, 1888: 273-317](#)). Семейные истории поясняют смыслы этнокультурной специфики сибирской общности. Сибирский характер описывается в интервью с помощью качеств независимости, самостоятельности, толерантности, почитания законов гостеприимства, духовной

оппозиционности, некоторой чужаковатости. Территория с суровым климатом перемальвала особенности национальностей и социальных статусов, миксовала социальные привычки старообрядцев, казаков, формировала особенный этнокультурный тип. Переселенцы общались с местным населением, обмениваясь опытом проживания в Сибири и повседневными практиками, привезенными из-за Урала. Они научили «гуземцев» разбивать огороды, выращивать овощи и злаки, местные способствовали изменению повседневного костюма новых соседей, дополнив гардероб шапкой-ушанкой, сапогами и валенками. К концу XIX в. Сибирь представляла собой не угрюмый край, «отстойник» для девиантов, но территорию с демократичными нравами. В семейных историях сохранились легенды о взаимодействии с местным населением. В одной из семейных историй, рассказанных сибирячкой, упоминается, что ее родственники приехали в Сибирь из Белоруссии. В их роду была девушка Зина, которая по любви тайно вышла замуж за сына татарского князя Бека. *После смерти мужа Зина вернулась с детьми к родственникам. «Ее детей стали называть «волчатами Бека и Зины». И фамилия нашего рода оттуда пошла – Бекезины»* (информант Е.О.).

Государственная власть того времени не проявляла должной заботы о культурном развитии Сибири. Просвещением занимались немногочисленные представители образованного слоя и старообрядцы, которые хранили традиции книжности. В некоторых семьях крестьян и горожан имелись библиотеки книг, подшивки газет. *«Забалуев Спиридон Антонович, мой прадед, жил в алтайском селе Каркавино. Он был грамотным, как и многие старообрядцы, выписывал и каждую неделю получал из Петербурга газеты, читал новости всем соседям-односельчанам»* (информант Л.Л.). *«Когда мы проходили в школе «Слово о полку Игореве», я, по мальчишеской глупости, смеялся над ... оборотами древнего языка. Но именно отец (не учитель!), свободно обращаясь с темным для меня текстом, читая наизусть большие отрывки, смог растолковать мне «Слово»... В глухой алтайской деревушке Маралушке, где ... школы-то не было, из рода в род вместе с другими книгами передавался список «Слова», и отец по нему ... читать выучился»* (информант Ю.А.).

Угрюмость населения этого далекого края можно интерпретировать в связи с жизненными ситуациями неуспеха. Например, все описания Сибири политического ссыльного М.Л. Михайлова пессимистичны. Можно предположить, что осуждение и ссылка на каторжные работы объясняют нелюбовь поэта-самоубийцы к жителям Тобольска, хотя, благодаря милосердию сибирских начальников, ему так и не довелось испытать в полной мере тягот каторги (Гончаров, 2004: 175). Писатель Ф.М. Достоевский тоже не жаловал красочными описаниями Омск и его жителей. Его неприязнь к этим холодным землям вполне объяснима его жизненной ситуацией. Часть эмпирических данных подтверждает гипотезу о суровом крае и населяющих его угрюмых неприветливых людях. Особенно это касалось старообрядческих «кержацких» поселений. *«Алексин Егор Егорович, отделившись своей семьей от отца, уехал в Сибирь. Остановились в глухой деревне в шесть кержацких дворов у реки Кия. Жители встретили переселенцев сурово. Ночевать никто не пустил. Заночевали у костра».*

Альтернативную характеристику сибирякам дают декабристы и путешественники, которых удивляло хлебосольтво сибирских крестьян. «Что за ... прелесть сибирского хлебосольтва, какая зажиточность, какой избыток. Пока лошадей перепрягают, приветливая хозяйка, либо мать-старушка ... хлопочут, чтобы хоть чем-нибудь угостить дорогого гостя; самовар всегда готов, а в обеденную пору – отличные щи и жаркое, и за это ничего не платится, слышится одна приговорка: кушай, голубчик, на здоровье, кушай, наш родимый!» (Гончаров, 2004: 145). Мемуары декабриста А.П. Беляева подтверждают доброжелательное отношение сибиряков к гостям. «Мы въехали в первую по дороге избу; но избой я неправильно назвал очень хороший дом, где царствовала необыкновенная чистота. Полы, потолки, скамьи из кедрового дерева, все блестело ... Хозяева, простые крестьяне, сибиряки, очень радушно нас приняли, такие же опрятные хозяйки накрыли на стол ... до 6 блюд ..., а когда мы хотели заплатить за обед, то хозяин и хозяйка обиделись, сказав: «Что это вы, господа, у нас, слава Богу, есть, что подать...» (Беляев, 1882: 209). В мемуарах отмечается любовь сибиряков пить чай, ходить в гости, всегда держать на столе горячий самовар. Публицисты того времени характеризовали Сибирь как «край сытый, тепло обутый и одетый, удобно обустроенный» (Завалишин, 1862: 138). Анализируя феномен безбедного проживания крестьян на территории современной Тюменской области, П.А. Кропоткин считал, что главной причиной является предприимчивость, трудолюбие, отсутствие крепостного права (Кропоткин, 1983: 43).

В основе социокода семейно-родовой памяти крестьян лежат ценности земли, семейного достатка, вольного хозяйствования на своей земле. Исследователи называют эти ценности «кодом крестьянственности», который семьи воспроизводят независимо от условий жизни и политической ситуации. Успех государственных реформ зависит от соответствия нововведений смыслам социокода. Если правители не принимают эти смыслы в расчет, то оказываются антагонистами памяти. Любые государственные решения будут встречены с молчаливым несогласием, противодействием. Успех аграрных реформ обеспечивает встроенность действий и смыслов законов в культурно-исторический контекст, сохраненный в опыте памяти. Царское правительство осуществляло противоречивую переселенческую политику. Однако она опиралась на особенности социокода крестьянственности –

«земля и воля». Эту формулу достойной жизни стремились воплотить крестьяне, ехавшие из «коренной России» на восток (середина XIX в. – начало XX в.).

5. Заключение

Нарративы сибиряков могут служить источниковедческой базой для изучения исторических событий, наряду с нарративами официального характера. И те, и другие не отображают объективную историческую реальность, а интерпретируют ее. При сравнении смыслов нарративов рождается фактографическая картина истории общности, наполненная чувствами субъектов истории – героев семейных нарративов.

Междисциплинарные принципы исследования истории общности с помощью концепта «семейно-родовая память» базируются на следующих методологических основаниях:

- коллективная память социально и событийно дифференцирована, в ее содержание включены все смыслы о событии, пережитом разными категориями населения в разных биографических ситуациях;

- сравнительный анализ нарративов позволяет найти баланс между конструированием государственного исторического нарратива и «голосами молчащих». Неофициальные нарративы (интервью, семейные истории, мемуары) прорывают «плотину молчания», становятся важным дополнением к фактам официальной истории в качестве фактов переживания событий;

- анализ социоклада позволяет понять смысл согласия или сопротивления общности с решениями власти, объясняет успех кампании вольного переселения крестьян из «коренной России» в Сибирь.

История сибирского края сложилась из историй людей. Они, буквально, написали ее своими судьбами. Такую «личностную» историю сохраняет семейно-родовая память. Этот вид социальной памяти построен из фактов, ошибок, семейных легенд. Но ценность семейно-родовой памяти заключается в сохранении смыслов и опыта людей, переселявшихся целыми родственными кланами на восток России в поисках новых земель, богатых и свободных.

Для интерпретации содержания семейно-родовой памяти требуются дополнительные методологические процедуры триангуляции. С целью проверки фактов о переселении в Сибирь, сохраненных в памяти старшего поколения, применяется метод сравнительного анализа нарративов официального и неофициального характера. Такой анализ определяет необходимость применения междисциплинарного подхода в исследованиях на стыке исторических и социальных наук. В результате рождается история края, наполненная живыми свидетельствами людей, их чувствами и переживаниями, которые дополняют и «очеловечивают» картину событий прошлого.

Литература

Беляев, 1882 – Беляев А.П. Воспоминания о пережитом и пережитом. 1805–1850. СПб.: А.С. Суворин, 1882. 507 с.

Блок, 1986 – Блок М. *Апология истории, или Ремесло историка*. М.: Наука, 1986. 254 с.

Борисенко, 1993 – Борисенко М.В. К характеристике источниковой базы по истории семей сибирских крестьян-переселенцев (к. XIX – н. XX вв.) // Известия Омского гос. краев. музея, 1993. № 2. С. 61-79.

Бродель, 1986 – Бродель Ф. Структуры повседневности. Возможное и невозможное // Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. [в 3-х томах]. Т. 1. М.: Прогресс, 1986. 622 с.

Гончаров, 2004 – Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в). Новосибирск: ИД «Сова», 2004. 358 с.

Завалишин, 1862 – Завалишин И. Описание Западной Сибири М.: Тип. Грачева и комп., 1862. 422 с.

Кауфман, 1905 – Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. 452 с.

Кимеев, 1997 – Кимеев В.М. Касьминские чалдоны. Быт и культура старожилов Касьминской волости. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 250 с.

Кропоткин, 1983 – Кропоткин П. А. Письма из Восточной Сибири. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983. 128 с.

Логунова, 2007 – Логунова Л.Ю. Семейно-родовая память: социокультурный и региональный контекст: Монография. Кемерово: Кемеровский госуниверситет, 2007. 294 с.

Медушевская, 1992 – Медушевская О.М. Источниковедение и гуманитарная культура // Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 11-19.

Палат, 2012 – Палат М. К. История и память // Идеи и идеалы. 2012. № 1. Ч. 1. С. 72-81.

Переселения из Полтавской губернии..., 1900 – Переселения из Полтавской губернии с 1861 года по 1 июля 1900 года: Сост. по поручению Полтав. губ. зем. упр. Вып. 1. Стат. бюро Полтав. губ. земства. Полтава: Типо-лит. Л. Фришберга, 1900–1905. 119 с.

- Письмо крестьянина..., 1899** – Письмо крестьянина И. Е. Беякова о переселении в Сибирь // *Русское богатство*. 1899. № 3. 2 отд. С. 1-14.
- Пыпин, 1888** – *Пыпин А.* Сибирская этнография // *Вестник Европы*. 1888. Т. 5. С. 237-317.
- РГИА, 1867** – Российский государственный исторический архив.
- Рикёр, 1998** – *Рикёр П.* Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. 313 с.
- Ровинский, 1875** – *Ровинский П. А.* Очерки Восточной Сибири // *Древняя и новая Россия*. 1875. № 1. С. 66-85.
- Савелов, 1994** – *Савелов Л.М.* Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском археологическом институте. Воспроизведение издания 1909. М.: Археографический центр, 1994. 278 с.
- Тернер, 1897** – *Тернер Ф.* Переселенческое дело // *Вестник Европы*. 1897. Кн. 5. С. 53-85.
- Хальбвакс, 1925** – *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти: пер. с фр. С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 346 с.
- Ядринцев, 1882** – *Ядринцев Н.М.* Сибирь, как колония: К юбилею трехсотлетия: Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. Санкт-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1882. 472 с.
- Butler, 1989** – *Butler T.* Ed. by. Memory: History, Culture and the Mind. Oxford: Basil Blackwell, 1989. 189 p.
- Misztal, 2010** – *Misztal B.* Collective Memory in a Global Age. Learning How and What to Remember. // *Current Sociology*, January 2010, Vol. 58 (1). Pp. 24-44.
- Morris-Suzuki, 2005** – *Morris-Suzuki T.* The past within us: media, memory, history. London; New York: Verso, 2005. 280 p.
- Nora, 1978** – *Le Goff J., Revel J., Nora P.* Memoire collective. La nouvelle histoire, Paris: Retz. 1978. Pp. 398-401.

References

- Pis'mo krest'yanina..., 1899** – Pis'mo krest'yanina I.E. Belyakova o pereselenii v Sibir' [A letter from a peasant I.E. Belyakov about resettlement to Siberia]. *Russkoe bogatstvo*. 1899. No. 3. 2 dep. Pp. 1-14 [in Russian]
- Belyaev, 1882** – *Belyaev, A.P.* (1882). Vospominaniya o perezhitom i perechuvstvovannom. 1805-1850. [Memories of the experienced and felt. 1805-1850]. SPb.: A. S. Suvorin. 507 p. [in Russian]
- Blok, 1986** – *Blok, M.* (1986). Apologiya istorii, ili Remeslo istorika. [Apology of History, or the Craft of a Historian]. М.: Nauka, 254 p. [in Russian]
- Borisenko, 1993** – *Borisenko, M.V.* (1993). K kharakteristike istochnikovoi bazy po istorii semei sibirskikh krest'yan-pereselentsev (k. XIX – n. XX vv.). [On the characterization of the source base on the history of families of Siberian peasant migrants (late XIX – early XX centuries)]. *Izvestiya Omskogo gos. kraev. muzeya*. 2: 61-79. [in Russian]
- Braudel, 1986** – *Braudel, F.* (1986). Struktury povsednevnosti. Vozmozhnoe i nevozmozhnoe [The structures of everyday life. Possible and Impossible]. Material civilization, economy and capitalism of the XV-XVIII centuries. [in 3 volumes]. Vol. 1. М.: Progress, 622 p. [in Russian]
- Goncharov, 2004** – *Goncharov, Yu.M.* (2004). Ocherki istorii gorodskogo byta dorevolutsionnoi Sibiri (seredina XIX – nachalo XX v.) [Essays on the history of urban life in pre-revolutionary Siberia (mid-XIX – early XX century)]. Novosibirsk: ID «Sova». 358 p. [in Russian]
- Khal'bvaks, 1925** – *Khal'bvaks, M.* (1925). Sotsial'nye ramki pamyati: per. s fr. S.N. Zenkina [Social framework of memory: trans. from fr. S.N. Zenkina]. М.: Novoe izdatel'stvo, 346 p. [in Russian]
- Kaufman, 1905** – *Kaufman, A.A.* (1905). Pereselenie i kolonizatsiya [Resettlement and colonization]. SPb.: Tip. t-va «Obshchestvennaya pol'za». 452 p. [in Russian]
- Kimeev, 1997** – *Kimeev, V.M.* (1997). Kas'minskije chaldony. Byt i kul'tura starozhilov Kas'minskoj volosti. [Kas'minsky chaldons. Life and culture of the old residents of the Kasma volost]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 250 p. [in Russian]
- Kropotkin, 1983** – *Kropotkin P. A.* (1983). Pis'ma iz Vostochnoi Sibiri [Letters from Eastern Siberia]. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo, 128 p. [in Russian]
- Logunova, 2007** – *Logunova, L.Yu.* (2007). Semeino-rodovaya pamyat': sotsiokul'turnyi i regional'nyi kontekst: monografiya. [Family and generic memory: sociocultural and regional context: monograph]. Kemerovo: Kemerovskii gosuniversitet, 294 p. [in Russian]
- Medushevskaya, 1992** – *Medushevskaya, O.M.* (1992). Istochnikovedenie i gumanitarnaya kul'tura. [Source study and humanitarian culture]. *Otechestvennye arkhivy*. 4: 11-19. [in Russian]
- Palat, 2012** – *Palat, M.K.* (2012). Istoriya i pamyat' [History and memory]. *Idei i idealy*. 1, Part 1, Pp. 72-81. [in Russian]
- Pypin, 1888** – *Pypin, A.* (1888). Sibirskaya etnografiya [Siberian ethnography]. *Vestnik Evropy*. 5: 237-317. [in Russian]
- Pereseleniya iz Poltavskoi gubernii..., 1900** – Pereseleniya iz Poltavskoi gubernii s 1861 goda po 1 iyulya 1900 goda (1900). [Resettlement from Poltava province from 1861 to July 1, 1900: Comp. on behalf

- of Poltava. lips. land ex. Issue 1. Stat. Bureau Poltava. lips. Zemstvos]. Poltava: Tipo-lit. L. Frishberg, 1900-1905. 119 p. [in Russian]
- RGIA, 1867 – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].
- Riker, 1998 – Riker, P. (1998). Vremya i rasskaz. T. 1. Intriga i istoricheskii rasskaz [Time and Story. T. 1. Intrigue and historical story]. M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 313 p. [in Russian]
- Rovinsky, 1875 – Rovinskii, P.A. (1875). Ocherki Vostochnoi Sibiri [Essays on Eastern Siberia]. *Drevnyaya i novaya Rossiya*. 1: 66-85. [in Russian]
- Savelov, 1994 – Savelov, L.M. (1909). Lektsii po russkoi genealogii, chitannye v Moskovskom arkheologicheskom institute. Vosproizvedenie izdaniya 1909 [Lectures on Russian genealogy, read at the Moscow Archaeological Institute. Reproduction of the edition of 1909]. M.: Arkheograficheskii tsentr. 278 p. [in Russian]
- Turner, 1897 – Terner, F. (1897). Pereselencheskoe delo [Resettlement business]. *Vestnik Evropy*. Book. 5. Pp. 53-85. [in Russian]
- Yadrintsev, 1882 – Yadrintsev, N.M. (1882). Sibir', kak koloniya: K yubileyu trekhstotletiya: Sovrem. polozhenie Sibiri. Ee nuzhdy i potrebnosti. Ee proshloe i budushchee [Siberia as a colony: For the jubilee of the three hundredth anniversary: Modern position of Siberia. Her needs and wants. Her past and future]. Sankt-Peterburg: Tip. M.M. Stasyulevicha, 472 p. [in Russian]
- Zavalishin, 1862 – Zavalishin, I. (1862). Opisanie Zapadnoi Sibiri [Description of Western Siberia]. M.: Tip. Gracheva i komp, 422 p. [in Russian]
- Butler, 1989 – Butler T. (1989). Ed. by. Memory: History, Culture and the Mind. Oxford: Basil Blackwell, 189 p.
- Misztal, 2010 – Misztal, B. (2010). Collective Memory in a Global Age. Learning How and What to Remember. *Current Sociology*. 58 (1): 24-44.
- Morris-Suzuki, 2005 – Morris-Suzuki, T. (2005). The past within us: media, memory, history. London; New York: Verso, 280 p.
- Nora, 1978 – Le Goff, J., Revel, J., Nora, P. (1978). Memoire collective. La nouvelle histoire, Paris: Retz. Pp. 398-401.

История переселения в Сибирь конца XIX – начала XX вв., запечатленная в семейно-родовой памяти

Лариса Юрьевна Логунова^{a, *}, Екатерина Анатольевна Маженина^a, Владислав Андреевич Рычков^a

^a Кемеровский государственный университет, Кемерово, Российская Федерация

Аннотация. Семейно-родовая память является видом социальной памяти, ее низовым уровнем. Конвенциональное содержание социальной и семейно-родовой памяти есть основание солидарности общности. Семейно-родовая память связывает поколения с помощью механизма социального наследования. Содержание семейно-родовой памяти созвучно с социокодом памяти общности. Образы памяти социально дифференцированы и создают противоречивые по содержанию мнемические кластеры. Семейно-родовая память фиксирует не только факты, но и пробуждает исторически обусловленное чувство, связанное с причастностью к событиям прошлого, к территории, с которой люди связаны единой исторической судьбой. История Сибири представлена фактами «исторической правды», зафиксированными в документах, и правдой памяти, звучащей в устных историях сибиряков («голоса молчащих»).

В статье показан опыт работы с гибридным методологическим комплексом, созданным для исследования содержания семейно-родовой памяти сибиряков. Для понимания исторического события использована миксация различных подходов гуманитарных наук на основе принципа междисциплинарности.

Ключевые слова: семейно-родовая память, социокоды памяти, гибридный исследовательский комплекс, политика памяти.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vinsky888@mail.ru (Л.Ю. Логунова), ekka0808@mail.ru (Е.А. Маженина), Vladislav-rychkov@ya.ru (В.А. Рычков)